

ИСТОЧНИК НАШЕЙ «ЛЮДСКОСТИ»

ИНТЕРВЬЮ С ОЛЬГОЙ ЕЛИСЕЕВОЙ

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Московского гуманитарного университета, специалист по истории
Российской империи второй половины XVIII века, автор книги
«Геополитические проекты Г. А. Потемкин» (М., 2000).*

Любовь Ульянова: Какую роль играл Крым в православной геополитике Российской империи? Можно ли утверждать, что борьба за вхождение Крыма в состав Российской империи имела под собой, наряду с политическими, религиозные основания?

Ольга Елисеева: Конечно, можно. Крым всегда рассматривался не просто как земля с удобными гаванями для флота, не просто как форпост, который мог бы охранять южные рубежи страны, но и как святыня. Светлейший князь Г. А. Потемкин, предложивший Екатерине II присоединить полуостров к империи, писал, что Херсонес — «источник нашего христианства, а значит людскости». Т. е. человечности, говоря современным языком. Князь Владимир крестился в Херсонесе, затем, вернувшись на Русь, крестил своих подданных, благодаря чему они стали «людьми». Так понимался этот вопрос в XVIII в. Но есть и еще одно толкование, о котором стоит упомянуть. Странное слово написано неразборчиво и может быть прочтено как «лепность», т. е. красота. Наши далекие предки осознавали православное христианство как очень красивое. Ведь послы Владимира побывали в самом красивом храме тогдашнего христианского

мира — Святой Софии в Константинополе — и не знали, «на земле стоишь или на небе». Крым воспринимался еще и как источник красоты. Полуостров, наверное, был самым красивым из того, что видели «варвары» из дружин Владимира, а позднее солдаты Потемкина. Светлейший князь писал императрице о Крыме: «Нужен и России рай».

ЛУ: Кючук-Кайнаджирский мир, зафиксировавший первые приобретения России в Крыму, содержал положения о протекторате со стороны Российской империи православным народам, находившимся под властью Османской империи. Каковы истоки этой идеи? По каким причинам Екатерина II решила внести этот пункт в мирный договор?

КРЫМ ВСЕГДА
РАССМАТРИВАЛСЯ НЕ
ПРОСТО КАК ЗЕМЛЯ
С УДОБНЫМИ ГАВАНЯМИ
ДЛЯ ФЛОТА, НЕ ПРОСТО
КАК ФОРПОСТ, КОТОРЫЙ
МОГ БЫ ОХРАНЯТЬ
ЮЖНЫЕ РУБЕЖИ СТРАНЫ,
НО И КАК СЯТЫНЯ

ОЕ: Православная держава, а Российская империя, не смотря на светскость и европеизацию, продолжала признавать себя именно православной державой, должна была

покровительствовать христианским народам, тем более оказавшимся в составе иной по вероисповеданию страны. У каждой эпохи своя идеология. Нас же не удивляет тот факт, что Советский Союз по всему миру «помогал» социалистическим государствам, а вернее держал их в сфере своего влияния. Если бы Первая русско-турецкая

война была проиграна, вопрос при заключении мира не поднимался бы. Но война (довольно тяжёлая) оказалась выиграна, и сам факт выхода России к Черному морю создавал новую геополитическую реальность. В том числе и возможность защиты прав православных народов, что автоматически позволяло вмешиваться в дела соседней империи и укреплять свои позиции. «Защищая союзников, мы завоевываем мир», как говорили древние римляне.

ЛУ: Каковы истоки и основные цели «Греческого проекта»? Является ли основным разработчиком этой концепции Потемкин? Можно ли считать, что начало завоевания Крыма как места, некогда бывшего частью христианского мира, стало толчком к разработке этой концепции?

ОЕ: Не совсем так. Это идея освобождения земель Греции от турецкого владычества, возрождение Византийской империи и возведения на ее престол одного из внуков Екатерины II — Константина Павловича. Константин — царь для Константинополя. Как видим, это проект крайне амбициозный и трудноисполнимый силами одной России. Чтобы его осуществить, требовались усилия и согласие нескольких

ведущих европейских держав. Поэтому о проекте интересно было рассуждать, он вдохновлял художников и поэтов, а заодно и отвлекал внимание иностранных дипломатов от более скромного, но осуществимого руками одной России «Крымского проекта». Среди «отцов» Греческого проекта были и сама Екатерина II, и Вольтер, и братья Орловы, и множество других участников. В какой-то момент Потемкину удалось как бы подменить игрушку, обманку, безделку реалистичной идеей.

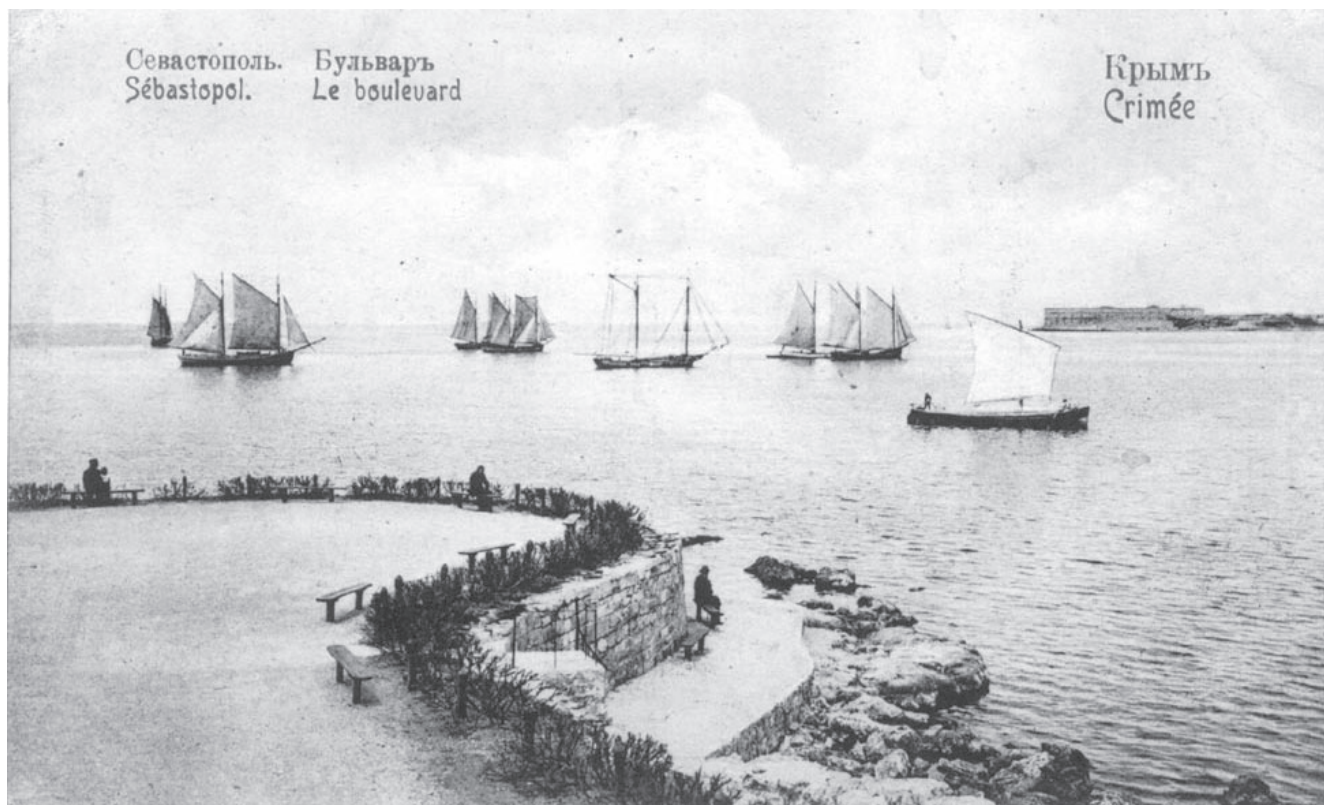
Крым всегда был и остается самоцелью для континентальной России. Его присоединение — не первая ступень к чему-то большему, а истинная, главная, тщательно подготовленная, утаенная от врагов и союзников, хранимая как зеница ока цель екатерининской геополитики.

ЛУ: С какими началами в большей степени был связан Греческий проект — с античными, то есть языческими, или православными? Были ли Екатерине близки языческие элементы — в большей степени, чем православные, что сре-

ди прочего отражалось в праздничном церемониале при дворе императрицы?

ОЕ: Мы говорим об эпохе Классицизма. О времени, когда античное наследие считалось

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА – НЕ ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ К ЧЕМУ-ТО БОЛЬШЕМУ, А ИСТИННАЯ, ГЛАВНАЯ, ТЩАТЕЛЬНО ПОДГОТОВЛЕННАЯ, УТАЕННАЯ ОТ ВРАГОВ И СОЮЗНИКОВ, ХРАНИМАЯ КАК ЗЕНИЦА ОКА ЦЕЛЬ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

эталон. А остальная культура странноватой и дикой. Например, в Европе готику называли «варварской». После Французской революции Собор Парижской Богоматери не просто переименовали в Храм Верховного Существа (что отразило антихристианские настроения революционеров, захвативших власть), но и в значительной степени переделали под здание «классических пропорций», а внутри повесили картины... Все зрелищное искусство — театр, живопись, придворные церемониалы, шествия — отдавало дань моде и находилось под влиянием античности. Новые идеи (присоединение Крыма, помощь греческому и славянским единоверцам) высказывались в античных формах. Тот факт, что на потолочном плафоне изображали Гебу, не вступал для современников в противоречие с молитвой в православном храме. Даже не раскалывал для них мир надвое. Античное, классическое относилось к светской внешней сфере. Екатерина II никогда не интересовалась язычеством, но ей, как любому монарху эпохи Просвещения, льстило, когда ее называли Северной Минервой и сравнивали с мудрой Афиной.

ЛЮ: Упоминался ли вообще Херсонес в геополитических планах Екатерины II, ее переписке и переписке ее приближенных? (Например, братьев Орловых, один из которых писал в письме своему брату

в 1768 г. «Если ехать, так уж ехать до Константинополя, и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжелого»).

ОЕ: Херсонес намеренно искали, чтобы рядом воссоздать новый город. И первый раз нашли неверно — Херсон. А вот руины у будущего Севастополя оказались «тем самым местом». Вспоминали и Гомера, и Бухту Символов, и даже были убеждены, что видят остатки храма, «где Ифигения была жрицею». Казалось, что очень далекое прошлое отстоит всего на один шаг от «современных героев».

Братья Орловы действительно планировали захват Константинополя, что при той политической реальности — победоносная Чесменская битва — казалось вполне реальным. Но развитие военных действий показало, что подобный шаг — авантюра, которая может закончиться крахом.

ЛЮ: Крым, история крещения Руси — были ли частью политического церемониала при Екатерине?

ОЕ: Нет, если не считать роскошного путешествия в Крым Екатерины II в 1787 г., когда множество театрализованных сюжетов, включая греческих амазонок, было разыграно перед гостями. Во время этой поездки больше говорили и думали о будущем — новой надвигающейся войне — и старались показать, что Россия к ней готова, т.е. демонстрировали крепости и флот.